

—Павел водил меня к себе на работу, познакомил со своим начальником, Александром Иосифовичем Гольшмидтом, отставником, бывшим командиром дивизиона подводных лодок, похожим, однако, больше на директора магазина. О нём я слышал от мамы, что "он всё может, везде связи" - и странно это было слышать о морском офицере, хоть и в отставке. Даже по поводу болезни Ромки мама, обливаясь слезами, звонила ему, чтобы устроил врача получше.

—Место, где работал Павел, называлось почему-то "базой". Расположено оно было в самом центре города на горушке, что между Большой Морской и улицей Ленина, ближе к площади Ушакова, и представляло собой небольшой особнячок современного стиля в уютном дворике за глухим забором. Отсюда Павел отправлялся в командировки и на корабли, которые стояли в Севастополе, налаживать на них радиоаппаратуру. На самой же базе, как мне показалось, занимались преимущественно тем, что устраивали приятное времяпрепровождение в Крыму своему ленинградскому начальству (точнее, гатчинскому - "база" относилась к гатчинскому заводу "КрИзо") и его окружению. Наверное, она оттого и называлась "базой", что более всего походила на турбазу для начальства.

—Гольшмидт мне не понравился. Павел, хоть и хорохорился, но чувствовалось, что перед Гольшмидтом он пресмыкается. От того зависело решение главного для Павла с Милочкой вопроса - квартирному. Всё время что-то обещалось, но в неопределённом будущем. Жить же вместе с моими родителями, я понимал теперь, - тяжело из-за расшатанной маминой нервной системы, остро на всё реагирующей. И маме тяжело, и Милочке с Павлом.

—В Павле я стал замечать элементы показушности в том, что касалось его служебного положения, особенно заметно это было во время нашего с ним визита на их "базу". В остальном же он пока меня не разочаровывал. Нормальный мужик, покладистый, Милке вполне пара.

Мама, наконец, познакомила нас со своей "сестрёнкой" Люсей Добровольской и её мужем, о которых она столько рассказывала мне, когда мы вместе ездили во Владимир. Сначала мы побывали у них на даче в Учкеевке. (Этой дачей мама теперь непрерывно попрекала папу: вот у людей как всё устроено, а ты палец о палец не хочешь пошевелить! - заводила разговоры об участке и слушать не хотела папу, когда он пытался доказывать ей, что без воровства и блата дачу не построишь, материалы в магазине не купишь, всё надо доставать слева, а Люсиному мужу это легко - он по службе был связан с флотским снабжением и строительством. Мама считала всё это пустыми отговорками.) Маму там восхищало всё, на мой же взгляд - дача как дача. Сам домик сделан неплохо (Люсин муж делал), с претензией на оригинальность, отделан внутри деревом, аккуратно, уютно, но с маминых-то слов вообще чёрт знает что можно было ожидать.

И то же самое впечатление от их квартиры в Севастополе (рядом с Павловой "базой", кстати). Много всяких самодельных украшений, самодельные полки, местами с инкрустацией дверные ручки, подсвечники, по стенам множество гипсовых масок, барельефов, бюсты, но на всём печать дилетантства, кое-где даже и безвкусицы. Познакомиться поближе с хозяином дома в застольной беседе толком не удалось - помешала мамочка. Она захватила инициативу в свои руки и без умолку говорила сама, и всё о детях, о внуках, и снова о детях, какие они у неё хорошие, талантливые и т.д., и т.п. Нам с Любкой было очень неудобно, но остановить её мы не могли; после двух-трёх рюмочек мама возбуждалась и становилась неуправляемой - либо отца ругала, либо детьми хвалилась.

Люсин же муж интересовался лишь тем, как у нас в Калининграде с янтарём, ему нужен сырец для ювелирных поделок. Я знал, что на барахоловке продают необработанный янтарь и обещал ему привезти в следующий раз или передать с мамой,

когда она к нам приедет. Чтобы я не забыл, наверное, про это обещание, хозяин дома подарил нам с Любкой по гипсовой хреновине: маска и блюдо какое-то с индийскими мотивами. Мама была в восторге.

Сашуля, мама и Митя, июль 1978 г.

А ещё запомнилось мне, как мы с мамой ходили узнавать о возможностях квартирного обмена - Севастополя на Калининград.

Идея обмена эпизодически овладевала мамой. Но раньше она стремилась к обмену

только на Ленинград, а точнее даже - на родной Сестрорецк. Когда родилась Иринка, Сашуля закончила университет, а меня оставили в аспирантуре, мы с Сашулей всерьёз надеялись на то, что мои родители обменяют Калининград на Сестрорецк, и нам удастся прописаться у них, как об этом совершенно вроде бы серьёзно заявляла мама. Причины стремиться к этому у мамы, конечно, были - дети (я и Люба) уехали учиться в Ленинград, Сестрорецк - родина, живёт там мамин брат, похоронена их мать, в Ленинграде живёт сестра. Но реальность - папина служба, паспортные порядки нашей системы, да и принципиальная невозможность сколько-нибудь равноценного обмена Сестрорецка (тот же Ленинград) на никому не нужный Калининград - зачеркнула все эти мечтания.

—А вот когда родители мои переехали в Севастополь, и тем более, когда отец ушёл в отставку, разговоры об обмене вновь возродились, - хотя никто из детей к ним всерьёз не относился. Но в принципе-то теперь ситуация была иная: Севастополь - это не Калининград. Это - Крым, Чёрное море, фрукты, южный, почти курортный город. Если и не совсем равноценный, но всё же обмен возможен. Вот только дети теперь уже не в Ленинграде и особенно туда не рвутся.

—И мамочка загорелась новой идеей - обменяться на Калининград! Там сын, там много друзей осталось, а здесь жара эта осточертела, всё надоело. Звучало это как-то не очень убедительно, и я думал сначала, что всё это - минутные настроения, следствие общей усталости, замотанности, когда хочется всё бросить и уехать куда-нибудь. В какой-то мере так оно и было, но подобные настроения овладевали мамой всё чаще и чаще.

— Не хочу умирать среди этих камней раскалённых и глины высохшей. И что нам здесь с отцом друг на друга таращиться на старости лет.

—Она стала регулярно ходить к стендам объявлений об обмене и тщательно изучала их, выискивая предложения из Калининграда, каковые попадались достаточно часто, водила и меня к ним.

— Пойдём, Сашенька, посмотрим вместе, я ведь не помню уже названий всех улиц, ты расскажешь, где это, какой район, какое место.

—Мы читали объявления вместе, я комментировал их, но ничего подходящего не попадалось. Мамочка просила меня подать объявление об обмене в Калининграде, тогда уж предложений будет много, и можно будет выбрать что по душе. Я соглашался, но говорил, что это надо будет сделать перед мамочкиным приездом в Калининград (она осенью собиралась к нам), чтобы она сама могла походить, посмотреть, что предлагают.

—Я, кажется, и сам начинал верить в реальность обмена, захваченный маминым энтузиазмом, жалко, конечно, терять дачу в Крыму, но, возможно, Милочка и Павел получают квартиру в Севастополе (на работе-то они числились в Гатчине, на "КрИзо", а к Севастополю были прикомандированы, но в последнее время шли разговоры о создании из "базы" Севастопольского филиала объединения и строительстве своего жилья в Севастополе, на что Павел и надеялся), будем тогда к ним в гости ездить. А иметь мамочку под боком в Калининграде очень бы неплохо было, не нужен был бы никакой садик для Мити, в его воспитании полностью можно было бы положиться на бабулю.

—Как-то мы с мамочкой сидели на скамейке в сквере на площади Ушакова, разговаривали об обмене, и в наш разговор, вежливо извинившись, встряли сидевшие рядом две пожилые дамы, у которых знакомые или родственники - надо же! - живут в Калининграде, на пенсии, и очень хотят смениться на Севастополь. Они живут в центре города, на тихой улице у гостиницы "Москва", квартира, правда, двухкомнатная, но хорошая, и т.д., и т.п.

—Мама с интересом их выслушала, завязалась беседа, что маме всегда легко удавалось, и вскоре говорила уже преимущественно мама о том, почему она хочет уехать из Севастополя: - не подходит климат, её утомляет жара, а главное, там взрослый сын, с которым всегда можно посоветоваться, не то что с мужем, - а потом вообще о своих детях, какие они у неё хорошие, и какие внуки золотые... Ну, а что касается квартиры, то надо будет посмотреть на месте, и велела мне записать адрес, хотя зачем ей двухкомнатная

квартира, когда она меняет трёхкомнатную?

— Папа к обсуждениям вопроса об обмене не привлекался. Мама вообще с ним почти не разговаривала, если не считать сугубо хозяйственных вопросов о том, какой суп сварить на обед или что купить в магазине. Папа теперь опять работал у себя же в гидрографии вольнонаёмным и работой был доволен. Он всегда работал с удовольствием, но после того, как вышел в отставку, работал эпизодически, то поступал (его брали охотно), то увольнялся, и каждый раз по решению мамочки. Если она чувствовала себя неважно, уставала с внуками, не справлялась с домашним хозяйством, отец увольнялся и помогал ей по дому. Но в этом случае сокращались доходы, а назревала необходимость покупок то того, то этого (пальто, сапоги - в доме приобреталось только самое насущное, ни мебель, ни телевизор не менялись со времён папиной службы в Арабии, как мама называла Египет, ковры, холодильник - всё оставалось с тех времён, а машина уже перешла во владение Павла, значительной семейной собственностью оставался пока только гараж), не хватало денег на разъезды по детям (основная статья маминых расходов), и папа снова возвращался на работу.

— Как-то он пришёл с работы будучи чуть оживлённее обычного. Мама с подозрением спросила его, уж не выпил ли он у себя там на работе. Отец чистосердечно признался, что да, но чисто символически, отмечали день рождения сослуживца и его чуть ли не силой заставили выпить рюмочку, другую. А это было, когда Ромка ещё болел, хотя уже и выздоравливал. Мама словно только и ждала повода, чтобы взорваться. Дело опять дошло до истерики. Можно было подумать, что отец совершил смертоубийство. Маме не хватало слов, чтобы заклеймить его, испакостившегося до такой степени, чтобы позволять себе веселиться, когда внук тяжело болеет. Нам же, всем остальным, веселиться в эти дни ничуть не возбранялось, да и Ромка был уже почти здоров.

— Я пытался защищать папу, но бесполезно.

— Ты не знаешь этого изверга, - только и слышал я в ответ от мамы.

— А примерно через месяц после этого одной из последних записей в её дневнике стала следующая: "Сегодня 29 августа. День нашего знакомства и тайной женитьбы! Вчера Андрей принёс красные гладиолусы и уже 28-го вечером выпили вина. Женились мы в Леднево 29 августа 1942 года. Сегодня 29 августа 1978 г. в Севастополе наша семья всего трое: Ромочка, бабуля, дедуля."

— И есть запись в дневнике от 5 декабря 1977 года: "Морозно, -5° и солнышко. Есть такие мысли и чаяния, которые нужно носить только в сердце, чтобы не омрачить отношение детей к отцу. Я устала от этой борьбы. Всем должно быть хорошо."

— А раньше (17 декабря 1974 г., в Ладушкине): "Хочется остаться на Новый год, и Сашуля с Сашей очень просят, но ведь Андрей совсем один!"

— Мама искала у меня поддержки во всём, в том числе и в своём отношении к отцу. Но в этом она её не находила, я категорически не соглашался с ней, когда она пыталась жаловаться на него. Отца я уважал и любил (больше уважал, чем любил), видел его недостатки - необщительность, ограниченность интересов, нечуткость, контрастировавшие с маминой эмоциональностью и живостью характера, но и достоинств у него, на мой взгляд, было немало: его уважали как специалиста, и карьера его говорила сама за себя, маму он любил преданно и горячо, в этом я был убеждён, хороший, хотя и непредприимчивый домохозяин.

— И вот, зная, как я отношусь к её жалобам на отца, мама снова и снова обращалась с этими жалобами ко мне.

— С отцом же я об этих их конфликтах не разговаривал. Лишь раз, в предыдущий приезд, в 1974-м году после тяжёлой их ссоры я спросил его - в чём дело? Он ответил:

— Мамочка просто очень устала. Нервы её не выдерживают.

— Так и до самого нашего отъезда атмосфера взаимоотношений моих родителей оставалась очень тягостной, мы устали от неё, и нам хотелось скорее уехать домой.

Уезжали мы 5 августа московским поездом (собирались заехать во Владимир) - я, Сашуля,

Иринка, Митя и Люба. Андрюшка оставался. Провожали нас дедуля и бабуля. Милочка с Ромкой и Андрюшкой остались дома. Мамочка была очень грустна, как и всегда при расставаниях.

Уезжаем из Севастополя, 5 августа 1978 г.

— В Серпухове вышла Люба. Её встречал Жорка, которого мы давно уже не видели. Показали ему из дверей вагона Митю, которого он вообще ещё не видел ни разу.

— Из Москвы поехали во Владимир, где погостили неделю. День рождения Ирины (13 лет) провели троём в Суздале. Бродили по нему целый день, были впервые. Интересный музей деревянного зодчества. Обедали в бывшей трапезной какого-то монастыря (архиерейских палат), превращённой теперь в ресторан, паршивенький вопреки рекламе, хотя и в горшочках блюда подают. В этот день был один хек, даже вина сухого не было. Сашуля с Ириной были разочарованы таким сервисом. Вот тебе и "Золотое Кольцо"!

Сашуля и Иринка в Суздале 11 августа 1978 г.

От ходьбы на каблуках Сашуля очень устала, и к тому же мы не догадались заранее взять обратные билеты, еле сели в какой-то автобус и ехали стоя. Тем не менее поездкой в целом остались довольны, хотя и не успели залезть на колокольню, чтобы посмотреть на Суздаль сверху, и, конечно, не во всех музеях побывали.

А вечером 13 августа мы были уже дома, в Калининграде. Митя же остался во Владимире.

(продолжение следует)

[Главная страница](#) — [Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)